

*Семья-источник вдохновения*

*Кошелев Антон*

Великий П. И. Чайковский сказал: "Вдохновение - это такой гость, который приходит не всегда..." А вот со мной этот "гость" пребывает всегда. Источником вдохновения для меня является моя семья, моя прабабушка, которую я считаю настоящим героем, примером мужества, силы, примером для подражания. Каждый член нашей семьи старается равняться на этого человека, память о котором мы трепетно храним. И именно эта женщина, на хрупкие плечи которой обрушились 70 лет назад нечеловеческие испытания, является для нашей семьи главным источником вдохновения, помогающим нам справляться с трудностями и испытаниями, верить в будущее, не отчаиваться и всегда сохранять стойкость духа и радость к жизни. Чтобы понять, почему мы с мамой, папой и братом относимся так трепетно к бабушке, я расскажу вам историю ее жизни.

...Я долго не мог понять, почему бабушка часто повторяла одни и те же строки: «Как не помнить о блокаде, как не помнить, не пойму, если вижу облака те, все в бадаевском дыму». Я часто спрашивал ее, что такое блокада и почему она ее никак не может забыть. А она мне отвечала: «Станешь чуть постарше, я расскажу...»

Я повзрослел, знаю много историй от бабушки и до сих пор с трудом представляю, что такое блокада, но знаю, чувствую, что это что-то страшное, тяжелое, жуткое, то, что никогда не забудется теми, кто знает об этом не понаслышке. Это, думаю, «блок ада», через который пришлось пройти обычным людям, лениградцам: детям, старикам, женщинам.

Моя бабушка, Анна Михайловна, родилась в 1923 году в Ленинграде. К началу 1941 года она уже окончила школу, у 18-летней девушки было, как любила вспоминать бабушка, «громადье планов». Она устроилась работать

помощником и учеником парикмахера, собиралась поступать учиться. Но ранним летним утром 21 июня 1941 разрушились все ее мечты, надежды, планы. По радио 18-летняя девушка услышала, что началась война. Все представляли, что такое война и не представляли, что такое война...

Бабушка вспоминала: «Я как-то сразу повзрослела, другой стала-старше, даже не старше, а старее... а почему, ответить не могла. Потом только поняла причину перемены, которая так неожиданно в ней произошла : каждый видела смерть людей, каждую минуту приходилось думать о еде, о том, как остаться живой, как не упасть духом, как сохранить бодрость, а главное надежду. Потому что очень хотелось жить. Жить вопреки всему-смерти, врагу, болезням, просто жить...» К концу лета 1941 года из всей семьи в живых осталась только она и ее отец, мой прадед. Мать была взята в плен, и как выяснилось потом, отправлена в лагерь, где и умерла. Больше о ней ничего не удалось узнать ни бабушке после войны, ни нашей семье в настоящее время.

А потом наступила осень и зима-первая в блокадном городе. Зима, которую по словам бабушки, она помнила всю жизнь и чувствовала, как мерзнет от холода, как хочется есть. Именно этой страшной зимой не стало еще одного близкого человека-сестры Анны Михайловны. Она умерла от голода.

«Какая-то жуткая тишина стояла на улицах, когда мы выходили набрать воду из воронки, которая образовалась после артобстрела. Людей было много, но все пребывали в каком-то скорбном молчании, как будто каждый в себе держал свое горе...»

Бабушка рассказывала, как они с отцом сожгли всю мебель, потому что дров не осталось. А главное не было еды, люди мечтали о кусочке хлеба. Было слышно, как дети плакали от голода, взрослые стонали, но измученные, больные физически, внутри, духовно большинство были не сломлены, а наоборот, сильны.

« Помню, как первый раз сварили столярный клей,- вспоминала бабушка. Никогда не думала, что буду есть клей, даже не представляла, что этим можно питаться. Но попробовать пришлось...

Чтобы хоть как-то притупить чувство голода привыкли к клею, к вязкому ощущению во рту, к запаху, вкусу»

Когда мы с родными вспоминаем бабушкины рассказы о том времени, я часто задаю сам себе вопрос: «Смог бы я так?» И ответить не могу... Мне сложно представить, осознать, что в таких нечеловеческих условиях люди жили, надеялись, не падали духом. И в то же время я с переполняющей меня гордостью думаю о том, что среди таких вот сильных, мужественных, негибаемых людей была моя бабушка!

Через некоторое время в семье, которая насчитывала всего двух человек, от голода умер отец. Но у бабушки не было сил даже для того, чтобы отвезти его на кладбище, похоронить. Она смогла только вытащить его тело во двор и оставить там. На улице повсюду лежали умершие. Санитары убрали их тела. Они подобрали и моего прадеда. Бабушка потом всю жизнь вспоминала, что не знает, где похоронен отец, корила себя, ругала, чувствовала виноватой, но в то же время понимала, что тогда, в далеком 1942, сделала все, что могла, все, на что были силы.

Ту первую военную весну бабушка вспоминала как время своего второго рождения. Она попала в госпиталь в крайней степени истощения, и только летом 1942 года ее отправили на «большую землю» по знаменитой Ладогской «дороге жизни».

До конца Великой Отечественной войны бабушка трудилась в тылу. После войны бабушка вышла замуж, переехала в Зарайск и много лет проработала женским мастером в парикмахерской. На работе бабушку ценили и уважали, считали очень ответственной, дружелюбной, доброй, никогда не сомневались в ее профессионализме. Такой она была со всеми: с нами, родными, с коллегами, соседями и даже малознакомыми людьми.

Анны Михайловны нет с нами уже несколько лет. Бабушки очень не хватает в жизни нашей семьи, ее веселых рассказов, серьезных историй. Мы запомнили ее жизнерадостной, веселой, неунывающей, всегда готовой прийти на помощь, поддержать, подбодрить, успокоить, пожалеть.

Мы часто вспоминаем бабушку, и каждый раз, когда я смотрю на старую, потрепанную, потемневшую от старости фотографию моей любимой прабабушки, Анна Михайловна представляется мне яркой путеводной звездой, которая направляет, помогает, светит и вдохновляет на самое лучшее, доброе, светлое...